

СТЭНЛИ
МИЛГРЭМ

С предисловием Филипа Зимбардо,
организатора Стэнфордского
тюремного эксперимента

ПОДЧИНЕНИЕ АВТОРИТЕТУ

НАУЧНЫЙ ВЗГЛЯД
НА ВЛАСТЬ
И МОРАЛЬ

ЭКСПЕРИМЕНТ,
БРОСИВШИЙ ВЫЗОВ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ

*Классическое исследование
склонности человека следовать
приказам вне зависимости
от их опасных последствий.*

Майкл Дирда,
Washington Post Book World

АНС

Стэнли Милгрэм
Подчинение авторитету.
Научный взгляд на
власть и мораль

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16897088

*Подчинение авторитету: Научный взгляд на власть и мораль / Стэнли Милгрэм: Альпина нон-фикшн; Москва; 2016
ISBN 978-5-9614-4084-3*

Аннотация

На что способен пойти добропорядочный гражданин, повинаясь приказу? Размышления о десятках тысяч людей в фашистской Германии, отправлявших на смерть себе подобных, просто выполняя свой долг, натолкнули Стэнли Милгрэма на мысль о провокационном эксперименте. Поведение испытуемых в ходе разных вариаций эксперимента неизменно подтверждало страшные догадки Милгрэма: одни участники испытаний сурово «наказывали» других, не пользуясь своим правом отказаться. Парадокс заключается в том, что такие добродетели, как верность, дисциплина и самопожертвование, которые мы так ценим в человеке, привязывают людей к самым бесчеловечным системам власти. Но со времен нацистских лагерей смерти природа человека не изменилась.

Вот почему актуальность концепции, которую со страшной убедительностью подтверждает эксперимент, можно оспаривать, но опасно недооценивать. Знаменитый эксперимент Милгрэма, поначалу вызвавший у многих протест и недоверие, позже был признан одним из самых нравственно значимых исследований в психологии.

Содержание

Предисловие к изданию Harper Perennial Modern Thought	7
Предисловие	16
Благодарности	19
Глава 1	23
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Стэнли Милгрэм

Подчинение авторитету.

Научный взгляд

на власть и мораль

Переводчик *Глеб Ястребов*

Редактор *Роза Пискотина*

Руководитель проекта *И. Серёгина*

Корректор *С. Мозалёва*

Компьютерная верстка *М. Поташкин*

Дизайн обложки *Ю. Буза*

© Stanley Milgram, 1974

© Предисловие. Philip Zimbardo, 2009

© Интервью Майкла Уоллеса в главе 15. The New York Times Company. Reprinted by permission, 1969

Published by arrangement with HarperCollins Publishers.

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2016

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроиз-

изведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. За нарушение авторских прав законодательством предусмотрена выплата компенсации правообладателя в размере до 5 млн. рублей (ст. 49 ЗОАП), а также уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 6 лет (ст. 146 УК РФ).

*** * ***

Моей матери и памяти моего отца

Предисловие к изданию Harper Perennial Modern Thought

Два наиболее значительных сюжета в западной культуре – сошествие Люцифера в ад и изгнание Адама и Евы из рая – объединяет одна и та же идея об ужасных последствиях неповиновения власти. Люцифер, «светоносный» и приближенный к Богу ангел – его называют еще «Утренней звездой» – отказывается исполнить веление Бога и почитать Адама, его новое совершенное творение. У него есть единомышленники среди ангелов. Они говорят, что существовали еще до Адама, да и вообще Адам – всего лишь смертный, в отличие от них, ангелов. В ответ Бог обвиняет их в гордыне и непослушании. Никаких компромиссов: Создатель призывает архангела Михаила, чтобы тот со своим воинством наказал отступников. Естественно, Михаил одерживает верх (ведь сам Бог на его стороне), а Люцифер – отныне ставший сатаной и дьяволом – низвергается в ад вместе с прочими падшими ангелами. Впрочем, сатана возвращается, чтобы доказать: правильно было не почитать Адама, ибо тот не только несовершенен, но, что еще хуже, легко поддался искушению змея.

Вспомним, что Адам и Ева в райском саду не ограничены в своих правах за одним маленьким исключением: нель-

зя вкушать от древа познания. Когда сатана в обличье змея соблазняет Еву только попробовать, она в свою очередь уговаривает мужа. Всего один кусочек запретного плода, и они прокляты и навеки изгнаны из рая. Отныне они обречены трудиться в поте лица, страдать и быть свидетелями конфликтов между своими детьми, Каином и Авелем. К тому же они утратили невинность. Хуже того, их грех неповиновения отныне и навеки распространяется на последующие поколения. И каждый католический ребенок несет последствия первородного греха за правонарушение Адама и Евы.

Понятно, что перед нами мифы, созданные людьми, причем людьми, облеченными властью (скорее всего, жрецами, служителями культа). Мифы витают в воздухе, в мировом космическом пространстве, а люди улавливают их и записывают. Но они несут, как и все притчи, важную мысль: *подчиняйтесь власти / авторитету любой ценой*. Стоит не подчиниться – и пеняйте на себя. Возникнув однажды, в дальнейшем мифология приспособлялась к обстоятельствам, и теперь уже речь может идти о родителях, учителях, начальниках, политиках, диктаторах – обо всех, кто требует беспрекословного подчинения.

Снова и снова со школьной скамьи нам вбивают в голову: сиди на месте, пока учитель не позволит встать и выйти; молчи, а если хочешь что-то сказать, подними руку и получи разрешение; не жалуйся и не спорь с учителем. Все это усваивается настолько глубоко, что уважение к авторитету оста-

ется с нами в самых разных обстоятельствах, даже когда мы становимся взрослыми и зрелыми людьми. А ведь не всякий авторитет заслужен, а власть справедлива, законна и нравственна, и никто нас не учит отличать власть *справедливую* от *несправедливой*. Первая заслуживает уважения, а подчас и послушания (возможно, почти безоговорочного), а вторая должна возбуждать подозрение, недовольство, а в конечном счете протест и восстание.

* * *

Эксперименты Стэнли Милгрэма, посвященные подчинению авторитету – одно из важнейших исследований в общественных науках о центральных движущих силах этой стороны природы человека. Милгрэм первым стал изучать подчинение в контролируемой обстановке научной лаборатории. В каком-то смысле он продолжил традицию Курта Левина, хотя обычно его не принято считать последователем Левина, к каковым принадлежат, скажем, Леон Фестингер, Стэнли Шехтер, Ли Росс и Ричард Нисбетт. Тем не менее лабораторные исследования явлений, актуальных для реальной жизни, составляют суть представлений Левина о том, чем должна заниматься социальная психология.

Поначалу интерес Милгрэма к этой теме возник в ходе размышлений о том, с какой легкостью повиновались немцы нацистским властям в их дискриминационной политике в от-

ношении евреев, и в конечном итоге позволили Гитлеру приступить к осуществлению «окончательного решения еврейской проблемы». Будучи евреем, молодой Милгрэм задавался вопросом, не может ли Холокост повториться в его собственной стране, при всей разнице культур и эпох. Многие полагали, что в Соединенных Штатах такое немыслимо. Однако у Милгрэма были сомнения. Верить в людскую доброту, конечно, хорошо, но ведь факт остается фактом: сколько зла в мире сделали самые обычные (даже во многом неплохие) люди, попросту следуя приказам! Английский писатель Чарльз Сноу предостерегает: больше преступлений против человечества было совершено во имя послушания, чем вопреки. Еще раньше учитель Милгрэма, Соломон Аш, продемонстрировал силу влияния группы на суждения студентов колледжа относительно ложных представлений о видимой реальности. Но там влияние было косвенным: создавалось расхождение между индивидуальным и групповым восприятием одного и того же явления. Проблему несоответствия восприятия участники эксперимента преодолевали, соглашаясь с большинством, чтобы не остаться со своим мнением в одиночестве. А Милгрэм хотел увидеть более прямое и непосредственное воздействие приказа, который заставляет человека действовать вопреки совести и нравственным принципам. Он задумал свое исследование так, чтобы возникла коллизия между нашими представлениями о том, что люди могли бы делать в такой ситуации, и тем, как они

на самом деле повели себя в этом страшном испытании человеческой природы.

К сожалению, многие психологи, студенты и неспециалисты, полагающие, что знакомы с «экспериментом Милгрэма», в действительности знакомы лишь с одной его версией (скорее всего, посмотрев фильм «Подчинение» или почитав краткий рассказ в учебнике). И в чем только Милгрэма не обвиняли. Говорили, что для опыта он взял только мужчин, но так обстояло дело лишь поначалу, а затем все эксперименты были продублированы с женщинами. Или говорили, что он опирался только на студентов Йельского университета (где проходили первые опыты). Однако исследования Милгрэма включают 19 различных модификаций эксперимента, в них участвовали около 1000 человек в возрасте от 20 до 50 лет, и ни один не был школьником или студентом! Еще один суровый упрек: неэтично ставить человека, играющего роль учителя и полагающего, что его удары током причиняют боль исполнителю роли ученика, в положение, причиняющее ему столь тяжелые переживания. Думаю, разговоры об этичности пошли от фильма, где показано, как испытуемые мучаются и колеблются. Чтение же его статей и книг не вызывает ощущения особого стресса участников, которые продолжали слушаться, невзирая на очевидные страдания невинных жертв. Но сейчас я говорю об этом не с целью защищать или оспаривать этичность исследования, а с целью призвать читателей ознакомиться с *авторским* изложе-

нием идей, методов, результатов и дискуссий, – и понять, что именно делал Милгрэм. В этом еще одно достоинство книги.

Несколько слов о моей оценке книги. Прежде всего, перед нами самое репрезентативное и основательное исследование в социальной психологии и социальных науках благодаря величине выборки, систематическим вариациям, выбору самых разных простых людей из двух маленьких городов (Нью-Хейвена и Бриджпорта, штат Коннектикут), а также детальному объяснению методологических подходов. Более того, воспроизведение экспериментов во многих других культурах показало надежность выводов.

Будучи наиболее значимой демонстрацией способности социальных ситуаций влиять на человеческое поведение, эксперименты Милгрэма лежат в основе ситуационного подхода к поведенческим детерминантам. Показано неумение большинства людей сопротивляться все более бессмысленным приказам несправедливой власти, когда заявленные намерения авторитетного лица, начавшего опыт, выглядели вполне разумными. Казалось бы, исследователи-психологи могли задуматься о применении в разумных пределах наказаний, чтобы улучшить обучаемость и память. Однако нет смысла причинять «ученику» все большую и большую боль, когда тот уже хочет уйти, жалуется на сердце, а после удара в 330 вольт вообще перестает откликаться. Разве можно улучшить его память, когда он как минимум без созна-

ния? Казалось бы, достаточно капли критического мышления, чтобы практически любой человек отказался продолжать эксперимент и повиноваться бессердечным и несправедливым указаниям. Однако большинство участников, дошедших до этой ступени, оказались, по выражению Милгрэма, запертыми в «агентном состоянии».

Обычные взрослые превратились в глупых послушных школьников, которые не знают, как без разрешения педагога покончить с неприятнейшей ситуацией. Встал ли кто-то в тот критический момент, когда удар током мог вызвать серьезные последствия для здоровья, пошел ли в соседнюю комнату проверить, что с жертвой? Прежде чем вы ответите, подумайте о другом вопросе, который я прямым текстом задал Стэнли Милгрэму: «Сколько участников-“учителей” спонтанно встали после финального удара током в 450 вольт и пошли узнать, как чувствует себя “ученик”?» Ответ Милгрэма: «Ни один! Ни разу!» Так что у взрослых людей наблюдается устойчивое следование примитивным правилам школьника: ничего не делать, пока не велит или не позволит преподаватель.

Мое исследование ситуационной власти (Стэнфордский тюремный эксперимент) позволило дополнить выводы Милгрэма. Это основа ситуационизма: Милгрэм изучал непосредственное влияние авторитета на людей, а я – косвенное влияние организации на всех, кто находится в ее сфере влияния. Я исследовал способность систем создавать и поддер-

живать ситуации доминирования и контроля над индивидуальным поведением. Кроме того, и у него и у меня ярко продемонстрировано влияние внешних обстоятельств на человеческие поступки и очевидны уроки, которые могут вынести и читатель, и зритель. (У меня тоже есть фильм «Тихий гнев» (Quiet Rage), вызвавший интерес во всем мире.) В обоих случаях возникают и фундаментальные вопросы об этичности всякого опыта, способного вызвать у участников дискомфорт и чувство вины. Свои представления об этике я детально изложил в книге «Эффект Люцифера: Почему хорошие люди превращаются в злодеев»¹ (2008). Когда я впервые представил результаты Стэнфордского тюремного эксперимента на ежегодном заседании Американской психологической ассоциации в 1971 году, Милгрэм был в восторге: мол, теперь его будут меньше ругать, так как я провел еще менее этическое исследование!

И наконец, возможно, читателям будет интересно узнать, что мы с Милгрэмом были одноклассниками в школе имени Джеймса Монро в Бронксе (выпуск 1950 года) и еще тогда приятельствовали. Он был самым смышленным в классе (и получил при окончании все знаки отличия), а я – самым популярным (меня называли «маленьким Джимми Монро»). Когда мы со Стэнли повстречались лет через десять в Йельском университете, он признался мне, что хотел быть

¹ Зимбардо Ф. Эффект Люцифера: Почему хорошие люди превращаются в злодеев. – М.: АНФ, 2015.

самым популярным, а я в ответ признался, что хотел быть самым способным. Каждый из нас распорядился тем, что имел. В следующие десятилетия у нас было много интересных разговоров, и мы чуть не написали совместную работу по социальной психологии. К несчастью, в 1984 году в возрасте 51 года он умер от сердечного приступа. А нам в наследство оставил замечательные идеи: начав преимущественно с подчинения авторитету, позже Милгрэм расширил научные интересы до урбанистической психологии, проблемы «маленького мира», шести ступеней сепарации, эффекта Сирано и т. д. При этом он всегда творчески сочетал методы. Стэнли Милгрэм был тонким психологом, умеющим увидеть новую парадигму, способную обнажить старые истины или помочь переосмыслить скрытые принципы действия. Я часто задаюсь вопросом, какие новые явления Стэнли изучал бы в наше время, если бы был жив.

Филип Зимбардо

Январь 2009 года

Предисловие

Подчинение встречается на каждом шагу и легко может ускользнуть от внимания психологов. Однако, не оценив его роль в поведении, нельзя понять широкий спектр поведенческих моделей. Ибо в психологическом плане действие, совершенное по приказу, сильно отличается от действия спонтанного.

Человек, которому претит воровать и убивать, может без зазрения совести украсть и убить, если получит команду от представителя власти. Поступок, немислимый для кого-то при обычных обстоятельствах, может быть совершен без колебаний, если на сей счет есть указание.

Дилемма, связанная с подчинением авторитету, очень древняя: вспомним библейский рассказ об Аврааме. В настоящем исследовании мы придали этой дилемме современную форму, сделав ее предметом эксперимента и поставив целью лишь понимание, а не нравственную оценку.

Для психологического исследования подчинения важно иметь возможность перенести концепции власти в сферу личного опыта. Одно дело абстрактно рассуждать о правах личности и власти, и совсем другое – рассмотреть нравственный выбор в конкретной ситуации. О философских проблемах свободы и власти сказано немало. Однако всюду, где проблема не носит сугубо академический характер, есть

реальный человек, который подчиняется или не подчиняется, и конкретный случай неповиновения. Человек может думать что угодно, но настает момент, когда нужно делать выбор. Вокруг этого и выстроен эксперимент.

Когда мы переходим в лабораторию, проблема сужается. Если экспериментатор велит испытуемому вести себя все более жестоко по отношению к другому человеку, при каких условиях субъект согласится, а при каких ослушается? Лабораторная проблема воспринимается живо, эмоционально, как реальная. Она не оторвана от жизни, но предельно заостряет некоторые тенденции, присущие обычному ходу вещей в социуме.

Возникает вопрос: есть ли аналогия между действиями испытуемых в нашей лаборатории, и теми формами подчинения, которые ужасают в нацистской эпохе? Разумеется, эти ситуации нельзя ставить на одну доску, но при всех различиях в масштабе, численности и политическом контексте, есть важные общие моменты. Ведь в чем суть подчинения? Человек рассматривает себя как орудие чужих желаний, а потому снимает с себя ответственность за поступки. Как только у него включается этот подход, возникают все ключевые особенности подчинения. Приспособительные реакции, готовность к жестоким действиям и самооправдание имеют место независимо от того, где все происходит: в психологической лаборатории или перед пультом управления межконтинентальными баллистическими ракетами. Стало

быть, от аналогий нельзя отмахнуться, педантично перечислив очевидные различия между психологической лабораторией и прочими обстоятельствами. Необходимо тщательно воссоздать ситуацию, позволяющую уловить суть подчинения: когда индивид вручает себя авторитету и более не считает себя действенной причиной своих поступков.

В той степени, в которой налицо добровольность и отсутствие принуждения, подчинение приобретает оттенок сотрудничества; в той степени, в которой налицо угроза наказания или насилия, подчинением движет страх. Мы изучали лишь подчинение добровольное, построенное на утверждении, что уполномоченное лицо вправе отдавать команды и никто ничем не угрожает. По сути, давление в этом исследовании опиралось лишь на власть, которую испытуемый приписывал ее представителю сам, а отнюдь не на объективную угрозу или физические средства контроля.

Основная проблема для испытуемого состояла в том, что ему было нелегко восстановить контроль над своими поступками после того, как он вверил себя экспериментатору. Это горький и в известной мере трагический аспект ситуации: нет зрелища печальнее, чем человек, который в значимых для него обстоятельствах пытается контролировать свои поступки, — и у него не получается.

Благодарности

Описанные здесь эксперименты – часть семидесятипятилетней традиции экспериментов в области социальной психологии. Борис Сидис провел эксперимент по подчинению в 1898 году, и исследования Аша, Левина, Шерифа, Фрэнка, Блока, Картрайта, Френча, Рейвена, Лачинса, Липпитта и Уайта, наряду со многими другими, повлияли на мою работу даже в тех случаях, где я их специально не упоминаю. Вклад Адорно и его коллег, а также Арендт, Фромма и Вебера – часть духа времени (*zeitgeist*), взрастившего социальных психологов. Меня особенно заинтересовали три работы. Первая из них – интересная книга Алекса Комфорта «Власть и преступность в современном государстве» (*Authority and Delinquency in the Modern State*); вторая – четкий концептуальный анализ авторитета, проделанный Робертом Бирстедтом; в-третьих, книга Артура Кёстлера «Дух в машине», где идея социальной иерархии разрабатывается глубже, чем в моей книге.

Данное экспериментальное исследование было осуществлено и завершено, когда я работал на психологическом факультете Йельского университета (1960–1963). Я благодарен факультету за то, что он обеспечил меня необходимым оборудованием и полезными рекомендациями. В особенности хочу поблагодарить профессора Ирвинга Джаниса.

Ныне покойный Джеймс Макдоноу из Уэст-Хейвена (штат Коннектикут) исполнял роль «ученика», и исследование выиграло от его блестящих природных талантов. Джон Уильямс из Саутбери (штат Коннектикут) был экспериментатором и безупречно справился со своей тягостной ролью. Хочу также сказать спасибо Алану Элмсу, Джону Уэйленду, Такето Мурате, Эмилю Элджису, Джеймсу Миллеру и Майклу Россу, внесших вклад в исследование.

В большом долгу я и перед многими жителями Нью-Хейвена и Бриджпорта, которые послужили испытуемыми.

Я много думал и писал об этих экспериментах уже после того, как они состоялись. Многие люди ободряли и поддерживали меня. Среди них доктора Андре Модильяни, Аарон Гершковиц, Реа Мендоза Диамонд, а также покойный Гордон Оллпорт. А также доктора Роджер Браун, Гарри Кауфманн, Говард Левенталь, Ниеле Кудирка, Дэвид Розенхан, Леон Манн, Пол Холландер, Джером Брунер и мистер Мори Сильвер. Элоиза Сигал помогла мне продвинуться в работе над несколькими главами, а Виргиния Хилу, мой редактор в Harper & Row, выказала удивительную веру в мою книгу, а под конец предоставила мне свой офис и избавила произведение от нерадивого автора.

В Городском университете Нью-Йорка заслужили мои благодарности Мэри Энгландер и Эйлин Лидалл, которые выполняли секретарскую работу, а также научных ассистентов Уэнди Стернберга и Кэтрин Крог.

Джудит Уотерс, аспирантка и талантливая художница, выполнила рисунки для глав 8 и 9.

Хочу поблагодарить Институт еврейских проблем в Лондоне за разрешение дать развернутую цитату из моей статьи «Подчинение преступным приказам: побуждение делать зло» («Obedience to Criminal Orders: The Compulsion to Do Evil»), которая впервые была напечатана в его журнале *Patterns of Prejudice*.

Благодарю Американскую психологическую ассоциацию за разрешение дать развернутые цитаты из своих статей, которые впервые были опубликованы в ее изданиях, а именно: «Поведенческое исследование подчинения» (Behavioral Study of Obedience), «К вопросу об изучении подчинения: ответ Баумринд» (Issues in the Study of Obedience: A Reply to Baumrind), «Групповое давление и действия против личности» (Group Pressure and Action Against the Person) и «Расслабляющие эффекты группового давления» (Liberating Effects of Group Pressure).

Исследование было поддержано двумя грантами от Национального научного фонда. Исследованиям 1960 года помог небольшой грант от Фонда Хиггинса в Йельском университете. Благодаря стипендии фонда Гугенхайма (1972–1973), я смог провести год в Париже, отойти от академических обязанностей и завершить книгу.

Моя жена Саша с самого начала помогала в экспериментах. Ее ум и смекалка значили очень много. В последние два

месяца мы работали вдвоем – в квартире на Рю Ремюза, – посвятив себя делу, которое теперь с помощью Саши завершено.

Стэнли Милгрэм

Париж

2 апреля 1973 года

Глава 1

Дилемма подчинения

Подчинение – один из базовых элементов в структуре социальной жизни. Определенные системы власти – непреложное требование всех человеческих взаимодействий: лишь человек, живущий в изоляции, может себе позволить не реагировать (через покорность или непокорность) на приказы других людей. Для нашего же времени подчинение как одна из детерминант поведения особенно актуально. Вспомним, что между 1933 и 1945 годами миллионы невинных людей систематически истреблялись по приказу. Газовые камеры, охрана концлагерей, ежедневные квоты на смерти – весь этот механизм действовал слаженно, как завод или фабрика. Пусть эта бесчеловечная политика зародилась в уме одного человека, однако лишь подчинение огромного числа людей позволило реализовать ее в столь широком масштабе.

Подчинение есть психологический механизм, связывающий индивидуальное действие с политической целью. Это цемент, который соединяет людей с системами власти. Судя по фактам недавней истории, да и повседневной жизни, для многих людей подчинение может быть глубоко укорененной поведенческой склонностью и даже могущественным импульсом, способным перевесить усвоенные представ-

ления об этике, сочувствии и нравственном поведении. О его важности пишет Чарльз Сноу (1961):

Задумываясь о долгой и мрачной истории человечества, понимаешь, что гораздо больше мерзких преступлений совершалось во имя подчинения, чем во имя бунта. Если у вас есть сомнения на сей счет, прочитайте книгу Уильяма Ширера “Взлет и падение третьего рейха”. Немецкие офицеры были воспитаны в строжайшем кодексе послушания... и во имя послушания они стали сообщниками и помощниками в самых крупномасштабных из злодейств человеческой истории (с. 24).

Геноцид европейских евреев – крайний случай душегубства, совершаемого тысячами людей под лозунгом подчинения. Однако в меньшем масштабе подобное происходит постоянно: обычным гражданам велят убивать, что они и делают, не смея ослушаться приказа. Тем самым, покорность, столь долго считавшаяся добродетелью, обретает новый образ, когда служит дурной цели. Какая уж тут добродетель: чистой воды грех! Или все же нет?

Нравственный вопрос о том, можно ли ослушаться приказа, если он противоречит совести, обсуждался Платоном, изображался в «Антигоне» и осмыслялся философами всех времен. По мнению консервативных авторов, неподчинение угрожает самим основам общества, и даже если поступок, на который толкает авторитет, обернется злом, лучше под-

чиниться, чем посягнуть на его прерогативы. И вот идея Гоббса: ответственность в подобном случае несет не исполнитель, а тот, кто отдал приказ. Впрочем, гуманисты рассуждали иначе: приоритет имеет личная совесть, и если ее голос противоречит приказу, надо из нее и исходить.

Юридические и философские аспекты подчинения очень важны, но для эмпирически мыслящего ученого наступает момент, когда он хочет перейти от абстрактных рассуждений к тщательному изучению конкретных случаев. Чтобы исследовать акт подчинения, я поставил в Йельском университете простой эксперимент. Впоследствии в нем оказались задействованы более 1000 участников, и его повторили в некоторых других университетах, но поначалу идея была простой. Человек входит в психологическую лабораторию, и его просят выполнить ряд действий, которые все сильнее и сильнее конфликтуют с совестью. Основной вопрос состоит в следующем: как далеко он пойдет в подчинении инструкциям экспериментатора, прежде чем откажется слушаться?

Несколько слов о деталях эксперимента. В психологическую лабораторию входят два человека для участия в исследовании памяти и обучаемости. Один именуется «учителем», другой «учеником». Экспериментатор сообщает, что речь идет о влиянии наказания на обучаемость. «Ученика» провожают в комнату, сажают в кресло и пристегивают ремнями, чтобы не дергался, а к запястью присоединяют электрод. Ему сообщают, что он должен запоминать списки

из пар слов, а в случае ошибок будет получать удары током нарастающей силы.

На самом же деле эксперимент ставится над «учителем». Ему дают увидеть, как «ученика» пристегивают к креслу, вводят в главную экспериментальную комнату и сажают перед устрашающим электрогенератором. На лицевой панели генератора расположены по горизонтали 30 рубильников от 15 вольт до 450 вольт, с шагом 15 вольт. Рядом с рубильниками даны словесные пояснения: от «Слабый разряд» до «Опасно – тяжелое поражение». «Учителю» сообщается, что он будет проверять человека, находящегося в соседней комнате. Если «ученик» отвечает правильно, «учитель» переходит к следующему пункту. В случае неверного ответа необходимо выполнить электрошок: начать с наименьшего (15 вольт), затем увеличивать на один шаг всякий раз, как «ученик» делает ошибку (30 вольт, 45 вольт и т. д.).

«Учитель» – ничего не ведающий испытуемый, который пришел в лабораторию участвовать в эксперименте. «Ученик» же – подставное лицо, которое в реальности не получает удары током. Цель эксперимента состоит в том, чтобы выяснить, сколь далеко зайдет человек в конкретной ситуации, послушно причиняя боль протестующей жертве. В какой момент откажется подчиняться?

Конфликт возникает, когда «ученик» выказывает признаки дискомфорта. После разряда в 75 вольт он кряхтит, после 120 вольт жалуется вслух, а после 150 просит остановить

эксперимент. Постепенно его протесты усиливаются, становясь все более настойчивыми и эмоциональными. После 285 вольт издаваемые им звуки напоминают агонию.

Наблюдатели эксперимента согласны, что никакие слова не способны передать сложность происходящего. Ведь для испытуемого это не игра: конфликт налицо. С одной стороны, «ученик» страдает: значит, надо бы встать и уйти. С другой стороны, экспериментатор, лицо авторитетное и начальственное, велит продолжать. И всякий раз, когда испытуемый медлит, экспериментатор настаивает на продолжении. Чтобы выйти из положения, нужно порвать с авторитетом. Исследование ставило своей задачей выяснить, когда и как люди – перед лицом очевидного нравственного императива – бросят вызов.

Понятно, что одно дело выполнять приказы офицера во время войны и совсем иное – слушаться экспериментатора. Однако общая канва отношений одинакова, ведь есть главный вопрос: как ведет себя человек, когда законный авторитет велит ему причинить вред третьему лицу? Если уж на то пошло, власть экспериментатора значительно *меньше* власти военачальника: он не может заставить испытуемого подчиняться, да и участие в психологическом эксперименте – дело далеко не такое важное и ответственное, как участие в битве. При всех этих оговорках я решил взять для начала самую простую ситуацию в надежде на то, что это прольет свет на целый ряд других случаев и поможет выявить

некоторые общие принципы, применимые к другим условиям.

Возможно, у читателя сразу появился вопрос: как человек в здравом уме способен выполнить хотя бы один электрошок? Разве не проще сразу отказаться и уйти? Но фактически так никто не поступает. Оно и понятно: испытуемый пришел в лабораторию помогать экспериментатору – вот и помогает. В этом нет ничего особенного, тем более что «ученик» поначалу не возражает и даже обнаруживает заинтересованность. Удивительно другое: насколько далеко заходят обычные люди, соблюдая инструкции. Более того, результаты опыта изумляют и тревожат. Да, многие испытуемые переживают и протестуют. И все же значительное число людей продолжают опыт до последнего рубильника на генераторе.

Многие слушаются экспериментатора, как бы отчаянно ни жаловался «ученик», неважно, насколько болезненными кажутся удары и насколько пылко «ученик» умоляет отпустить его. Это наблюдалось снова и снова в наших исследованиях, да и в других университетах, где повторяли эксперимент. Именно невероятная готовность взрослых людей слушаться почти до последнего составляет главное открытие, сделанное в ходе нашего опыта. И именно она более всего нуждается в объяснении.

Обычно предлагаются такие объяснения: до максимальной силы тока доводили удары лишь монстры, садистиче-

ские маргиналы общества. Однако этот тезис очень шаток: в категорию «послушных» испытуемых попали почти две трети участников, причем самые обычные люди – рабочие, служащие, представители умственного труда. Вспоминается книга Ханны Арендт «Эйхман в Иерусалиме» (1963). По словам Арендт, попытки обвинителя изобразить Эйхмана кровожадным чудовищем были глубоко ошибочными: он лишь заурядный бюрократ, который сидел за столом и работал. За эту книгу Арендт довелось вытерпеть немало злословия и даже клеветы. Людям сложно было расстаться с мыслью, что жуткие деяния Эйхмана выдают в нем маньяка, садиста и воплощение зла. Однако понаблюдав за тем, как в моих собственных экспериментах сотни обычных людей подчинялись авторитету, я склоняюсь к выводу: представление Арендт о «банальности зла» значительно ближе к действительности, чем может показаться. Ведь почему испытуемые наносили удары тока? Дело не в природной агрессивности. Они рассуждали просто: надо значит надо.

Таков главный урок нашего исследования: самые обычные люди, просто делающие свое дело и не имеющие никаких враждебных намерений, способны стать орудием страшной разрушительной силы. Более того, даже когда губительный эффект их поступков становится предельно ясен, но их просят продолжать действия, несовместимые с базовыми принципами морали, почти никто не находит в себе ресурсов, необходимых для противостояния авторитету. Здесь игра-

ют роль многообразные запреты на непослушание, и человек благополучно сохраняет статус-кво.

Сидя в кресле, легко осуждать покорных участников эксперимента. Однако критики судят их по меркам собственной способности декларировать высокоморальные принципы. А это нечестно. Ведь на уровне рассуждений многие испытуемые знают не хуже любого из нас, что нельзя вредить беспомощной жертве. Они знают, как себя вести, и способны при случае высказать свою позицию. Но это не имеет (или почти не имеет) отношения к их реальному поведению перед лицом конкретных обстоятельств.

Если людей просят объяснить, как нужно вести себя в подобной ситуации, они всегда скажут, что правильно – не покоряться. Но в реальных жизненных условиях не все определяется ценностями. Ценности – лишь один из факторов, воздействующих на поведение человека. И многие люди не смогли соотнести свои ценности с ситуацией. Они продолжили эксперимент вопреки собственному желанию.

Влияние нравственного чувства на поступки менее значительно, чем гласит социальный миф. Хотя в списке моральных норм заповеди вроде «не убий» занимают видное место, в структуре человеческой психики их положение не столь надежно. Несколько газетных заголовков, призывная комиссия, приказ от человека в эполетах – и люди без особых колебаний идут убивать. Даже в ходе психологического эксперимента человек способен легко перешагнуть нравственные

барьеры. И тем более нетрудно заставить людей отринуть моральные соображения с помощью расчетливых манипуляций на информационном и социальном поле!

Так почему же человек подчиняется экспериментатору? Во-первых, есть целый ряд «связывающих факторов», которые мешают выйти из ситуации. Здесь и вежливость, и первоначальное обещание помочь, и неловкость отказа. Во-вторых, у испытуемого формируется целый ряд приспособительных механизмов, которые тормозят его решимость дать отпор. Эти приспособительные реакции помогают испытуемому сохранить отношения с экспериментатором, одновременно снижая внутренний конфликт. Они типичны для мышления послушных людей, когда авторитет велит им причинять вред беспомощным лицам.

Один такой механизм состоит в склонности настолько погружаться в узкотехнические аспекты, что общая картина последствий выпадает из виду. В фильме «Доктор Стрейнджлав» есть блестящая сатирическая сцена, когда экипаж бомбардировщика поглощен техническими деталями процесса ядерного удара. Так и здесь: испытуемые с головой уходят в самую процедуру: как членораздельно прочесть слова и аккуратно переключить рубильник. Они хотят быть безупречными исполнителями, и в каком-то смысле им не до этики. Постановку задачи и ее нравственную оценку они доверяют экспериментатору.

Наиболее распространенная приспособительная реакция

состоит в том, что человек слагает с себя ответственность за поступки и перекладывает ее на экспериментатора, представителя законной власти. Никакого нравственного долга: он воспринимает себя лишь как орудие внешнего авторитета. Когда после эксперимента испытуемых спрашивали, почему они не остановились, в ответ часто звучало: «Сам я так не поступил бы. Я лишь делал, что мне сказали». Неспособные воспротивиться авторитету, они возлагают на него всю ответственность. Эту старую песню («я лишь выполнял долг») мы вновь и вновь слышали от подсудимых в Нюрнберге. Однако не стоит думать, что это лишь жалкая отговорка, придуманная наспех к случаю. Это типичный образ мышления огромного числа людей, привыкших к своему положению в субординационной системе. И исчезновение чувства ответственности – самое далеко идущее последствие такого подчинения.

Хотя действия повинующегося идут вразрез с требованиями совести, ошибочно полагать, что он утрачивает нравственное чувство. Просто у него меняется угол зрения. Он не оценивает с нравственных позиций последствия своих действий. Свой моральный долг он рассматривает как необходимость оправдать надежды, которые возлагает на него авторитет. Во время войны солдат не думает о том, хорошо ли бомбить деревни. И не ощущает вины и стыда. Он испытывает гордость или стыд в зависимости от того, насколько хорошо выполнил задание.

Еще один психологический фактор, который действует в этой ситуации, можно назвать «контр-антропоморфизм». Десятилетиями психологи обсуждали первобытную тенденцию приписывать неодушевленным предметам и силам человеческие качества. Однако бывает и противоположное: когда силы, имеющие непосредственное отношение к человеку – и в смысле их происхождения, и в смысле их сохранения – расцениваются как безличные. Скажем, некоторые системы, созданные человеком, рассматриваются так, словно человек с его капризами и эмоциями тут ни при чем. Человеческого фактора словно бы и нет. И когда испытуемый слышит: «Эксперимент *требует*, чтобы вы продолжали», он воспринимает это не как приказ человека, а как более абстрактный императив. Он не задает очевидный вопрос: «Чей эксперимент? С какой стати я должен мучить жертву в угоду этому затейнику?» Желание человека – организатора эксперимента – становится частью схемы, которая оказывает на испытуемого воздействие, выходящее за личностные пределы. «*Это должно продолжаться. Должно продолжаться*», – твердил один участник эксперимента. Он не понял, что за этим «должно» стоит желание такого же человека, как он сам. Забыв о роли личности, он придал «эксперименту» безличное качество.

Ни одно действие само по себе не обладает неизменными психологическими качествами. Его смысл зависит от контекста. Недавно в одной американской газете приводились

слова летчика, который признавал, что американцы бомбили вьетнамских мужчин, женщин и детей, но при этом считал, что делалось это «во имя благородного дела», а значит, оправданно. Аналогичным образом, большинство участников эксперимента рассматривали свое поведение в широком контексте: все ради вещи благой и общественно полезной – поиска научной истины. Психологическая лаборатория – заведение солидное, внушающее доверие. И в такой обстановке электрошок – способный в отрыве от контекста вызывать ужас – обретает совсем иной смысл. Но ведь это очень опасно: пренебрегать человеческими последствиями и целиком исходить из контекста...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания